

Интервью с Олегом Михайловичем ЖУРАВЛЕВЫМ

МЫ ХОТЕЛИ СТАТЬ ЧЕМ-ТО НОВЫМ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ И ИЗМЕНИТЬ ЕЕ

Журавлев О. М. — окончил Государственный академический университет гуманитарных наук (2009 г.), Европейский университет в СПб (2012 г.), PhD-программу European University Institute (Италия, 2016 г.) работает в Школе перспективных исследований в Тюмени (2017 г.), профессор.

Основные области научного интереса: Общественные движения, социология знания

Интервью состоялось: сентябрь 2017 — январь 2018 гг.

С Олегом Журавлевым я познакомился 10 сентября 2017 года при обсуждении на fb моего поста: «Небольшой стенд в рабочем кабинете Геннадия Осипова» <https://www.facebook.com/boris.doktorov.1/posts/1305734922900527>. Неожиданно для меня историко-социологическая тема о том, кого относить к первым советским социологам, вызвала оживление и некую дискуссию. Не скажу, что эта тема лишена дискуссионности, но я не думал, что обсуждаться будет вопрос отнесения к «первым» кого-либо из названных в посте социологов: А. Г. Харчева, А.Г. Здравомыслова, Г. В. Осипова и В. А. Ядова. Олег Журавлев для меня был совсем не известным социологом, но я обратил внимание на его комментарии: критическо-вопросительные, но лишённые агрессивности. Я сразу написал в «личку» Олегу и попросил его немного рассказать о себе, а прочитав, предложил ему поучаствовать в моем опросе социологов.

Мне нужны были социологи VII, самого молодого поколения, а тот факт, что Олег учился на социологическом факультете МГУ, участвовал в студенческом протесте против руководства факультета, потом учился в Ядовском ГАУГН и Фирсовском Европейском университете добавили интерес к его биографии. Дальше — больше. Олег с коллегами-друзьями-соратниками основали независимую исследовательскую группу «Лаборатория публичной социологии», учился по PhD программе в European University Institute (Florence, Italy), где написал диссертацию о протестах в России и Украине, а недавно стал профессором Школы перспективных исследований Тюменского госуниверситета. Нашел сайт Школы, узнал, что она создана в сентябре 2017 года в целях обеспечения уникального высококлассного образования для наиболее подготовленных, талантливых и мотивированных студентов из России и из-за рубежа. Олег написал, что для преподавания в Школе отобрали иностранных ученых, выпускников Гарварда, Дюка, Королевского колледжа и сотрудников «Лаборатории публичной социологии».

И уже 11 сентября мы начали наш разговор. Мы закончили бы его в конце года, но травма руки не позволила ответить Олегу на самый последний вопрос. И вот (середина января 2018 г.) — все позади.

Я в полной мере удовлетворен нашей беседой.

Прежде всего, рассказанное Олегом о себе: научная и политическая активность в студенческие годы, поиск своего пути в социологию, его текущая научно-преподавательская и политическая деятельность — все это расширяет, дополняет уже имеющуюся информацию о VII поколении социологов.

В частности, в интервью с Олегом я вижу еще одно подтверждение моей гипотезы о том, что доминирующей (допускаю, что одной из главных) функций этой когорты социологов является вхождение в глобальное сообщество социологов. Уже обнаружены следующие формы этого движения: участие в совместных с западными коллегами исследованиях, участие в конкурсах на получение научных грантов, обучение по магистерским и PhD программам, эмиграция. Олег и его коллеги участвуют в разработке и практическом апробировании программ для подготовки талантливой молодежи, подготовке их к работе в передовых, прорывных направлениях науки в России и других странах.

О. М. Журавлев: «Мы хотели стать чем-то новым в российской социологии и изменить ее»

Из нашей непродолжительной переписки я знаю, что Вы закончили школу в Москве и затем поступили в МГУ. Скорее всего, Вы – москвич и по рождению... давно ли Ваша семья живет в Москве, кто Ваши родители, насколько глубоко Вы знаете историю своей семьи?

Я родился в Москве в 1987 году. Мой отец – физик, закончил физический факультет МГУ. Мама закончила психфак того же МГУ, но в науке не осталась. Мои родители на момент 1990-х – это типичный пример семьи, одновременно и привилегированной, и маргинальной. Родители были обладателями высокого объема «культурного капитала» – учили меня и сестру читать книги, водили в музеи, занимались математикой и музыкой. В то же время, моя семья в 90-х была очень бедной – отец не захотел бросать науку, его попытки издавать книги и организовывать экскурсии по Москве параллельно работе в Академии наук не увенчались успехом. Мама не работала. Я очень сильно ощущал давление неравенства, так как почти всегда был самым бедным в классе. В будущем переосмысление этого опыта сыграет роль в моем политическом дрейфе влево. Но, надо сказать, что несмотря на нищету, я был счастливым ребенком – родители уделяли мне много времени, мы подолгу и обо всем разговаривали с папой и мамой, слушали пластинки, родители придумывали какие-то интеллектуальные настольные игры, было здорово. Мне нравилось общаться с ребятами из не интеллигентских семей, в том числе с разнообразными хулиганами и даже такими полукриминальными парнями.

Историю семьи я знаю не очень глубоко. Но хорошо знаю бабушек и дедушек. Отчасти потому что после развода родителей я переехал жить к родителям отца, так как папу начали приглашать в западные университеты, а мама стала членом религиозной общины и уехала в Сибирь. Я же захотел остаться в Москве. Бабушка по отцовской линии – бухгалтер, а дедушка – кораблестроитель, делал чертежи судов, работал в ЦКБ. Оба москвичи (хотя дедушка родился в Грозном, где в тот момент находилась его мать). Родители мамы – русские из Азербайджана, они переехали в Москву в конце 1980-х, оба они по профессии инженеры-электрики. Про родителей бабушек и дедушек я знаю мало. Знаю, что отца бабушки по папиной линии расстреляли по доносу, отец бабушки воевал, получил ранение. Отец бабушки по маминой линии тоже прошел войну и погиб в ноябре 1944 года во время освобождения Латвии.

Сейчас родители уже не живут в Москве, мама живет в деревне Можарке – это Курагинский район Красноярского края. Папа живет в Петербурге, переехал туда после того, как женился в третий раз. А вот папины родители неизменно живут в Москве, я живу с ними, когда бываю в городе.

Да, Олег, Вы многое видели в детские и подростковые годы, в последнее время я все больше задумываюсь о биографичности социологического творчества. Обычно говорят о биографичности творчества поэтов, вообще писателей, композиторов, художников, но и – я все более убеждаюсь в этом, анализируя, материалы интервью с социологами разных поколений – исследовательская деятельность социологов тоже биографична. Особенно это проявляется в выборе первых тем для самостоятельного исследования, но не только. Да и Вы уже указали на это; говоря о материальных проблемах, которые Ваша семья

переживала в 90-е, Вы отметили: «В будущем переосмысление этого опыта сыграет роль в моем политическом дрейфе влево». Доживем и до этого периода Вашей жизни... а пока, наверное, в выборе физико-математической школы было «семейное», желание идти по стопам отца?

Объективно выбор школы был продиктован влиянием отца — он успешно «рекламировал» легендарную Вторую школу и, в то же время, мог помочь мне подготовиться к вступительным экзаменам (во Второй школе учатся с 7 класса, а не с первого). Субъективно же, никакого желания «идти по стопам отца» у меня не было. Скорее, мне просто хотелось сменить школу (хотя мне нравилось в моей прежней школе, просто она мне немного наскучила), а вместе с ней и обстановку, познакомиться с новыми людьми. Из упрямства я сначала сомневался и даже в какой-то момент отказался от идеи поступления, но потом все-таки решил попробовать физико-математический лицей, руководствуясь этими житейскими соображениями. Тогда я очень смутно понимал, что это — одна из лучших школ во всей стране, со своей славной историей (кстати, несмотря на это, Вторая школа — это школа без «мажорного» имиджа — в ней совершенно бесплатно учились такие же нищоброды как я, причем далеко не все были из «научных» семей; многие поступали через олимпиады, победа в которых требовала скорее смекалки, чем подготовки). В общем, если бы в 6 классе я был бы так же озабочен репутацией и рейтингом учебного заведения, как сегодняшние магистранты Европейского и Шанинки, выбирающие себе западные аспирантуры, отцу было бы совсем просто меня уговорить. Но, в итоге, я все равно согласился и поступил в лицей в 1999 году.

Задолго до описанных Вами событий, в начале 1960-х, я еще был студентом мат-меха ЛГУ мы создавали одну из первых в стране физико-математических школ, это был — интернат. Ездили по Северо-Западу, проводили олимпиады, собеседования, отбирали ребят, верно — смекалистых. Многие — из очень дальних регионов, никогда в Ленинграде не были. Учились все здорово... самоотверженно. Мы старались давать им не только математику, но водить в музеи, театры, делали экскурсии по Ленинграду. Им преподавали обычные учителя, но было и много студентов, аспирантов ЛГУ, иногда — лекции известных профессоров. У вас было так же?

То, что Вы описываете, действительно, напоминает мой школьный («второш-кольный» на нашем языке) опыт. Мы ходили, впрочем, нечасто, в музеи и т. д. с преподавателями, в лицее бывали известные ученые, так же как и выпускники, ставшие аспирантами МГУ, Физтеха или западных университетов, и читали лекции. Важно, что Вторая школа была больше, чем просто образовательным учреждением, это был целый мир. Мне очень нравилась культура физико-математических школ: нестандартный подход к обучению, который, кстати, повлиял на мое социологическое мышление и воображение (помню, как преподаватель геометрии Александр Иванович Балабанов говорил, что решая задачи и доказывая теоремы, мы присваиваем себе навыки теоретического мышления, а сами решения не так уж и важны, их можно смело забыть); сильные преподаватели не только по математике, но и, например, по литературе; интеллектуальные дискуссии и споры на самые разные темы с друзьями, умеренные хулиганство, конфликты с «консервативными» учителями и администраторами, дружба, любовь, алкоголь и все такое — а главное, что это было всё вместе. Многие мои друзья говорят, что не хотят вспоминать свои школы, там им было скучно, а вот

настоящая жизнь началась со студенчества. Для меня все не так: школьные годы были прекрасными, может быть, самыми лучшими, я испытал колоссальное влияние этой культуры, во многом она меня сформировала.

Олег, как у Вас – ученика математической школы – возникло желание изучать общество, стать социологом, как это произошло?

На самом деле, ничего не «произошло». Не было какого-то переломного момента, откровения, поразившей меня книги по социологии, прочитанной в 11 классе. Скорее, я окончательно понял, что математика и физика – это не моё, мне все больше нравились гуманитарные предметы в целом, я интересовался в широком смысле отношениями между людьми и политикой. Думаю, что большую роль в этом тяготении к гуманитарным дисциплинам сыграли уроки литературы. Наш преподаватель, выпускница филфака МГУ лермонтовед Людмила Яковлевна Попова знакомила нас с академической культурой и мышлением в области гуманитарных наук. Вместо «уроков», она читала лекции и вела семинары, в конце каждого занятия мы вместе смеялись над тем, что написано в учебнике – чтобы убедиться, что мы не зря отказались от него в пользу академического формата. А вместо учебника мы читали Лотмана и Бахтина в качестве теории, а также, например, мемуары, такие как «Алмазный мой венец» Катаева или «Некрополь» Ходасевича для погружения в эпоху и среду литераторов. В результате мне захотелось поступить на гуманитарный факультет, но при этом не хотелось заниматься чем-то слишком отвлеченным и абстрактным. Поэтому я выбрал соцфак. Причем хотел поступать именно в МГУ. Конечно, я не знал, насколько плох этот факультет. Мы часто бывали в МГУ, моя классная руководительница, Елена Юрьевна Иванова, которая тоже сильно на меня повлияла, вела кружки на малом мехмате, у нас преподавали аспиранты и доценты мехмата. Я думал, что каждый факультет МГУ очень хороший, как мехмат.

Действительно, выбор профессии часто развивается по линии «не мое»–«мое». По сегодняшним представлениям, и Бахтин, и Лотман, с которым дружили молодые (будущие) тартуские социологи, – безусловно, и социологи. Ладно, уроки литературы ориентировали Вас на познание мира людей, а откуда появился Ваш интерес к политике?

Настоящий, или, вернее, деятельный интерес к политике появился уже в студенческие годы – сначала под влиянием чтения политически ангажированной, левой социальной науки, затем вследствие участия в протесте против деканата соцфака и, наконец, в результате интеграции в лево-активистскую среду. Будучи же старшеклассником, я не был слишком уж политически активным. Тем не менее, я, во-первых, симпатизировал оппозиционному движению в целом, кстати, во многом под влиянием той же преподавательницы литературы. Последняя производила впечатление смелого и принципиального человека, критикуя руководство страны и, в то же время, позиционируя себя очень независимо по отношению к руководству школы. Во-вторых, мне нравились нонконформисты, от культурных до политических. Я симпатизировал Эдуарду Лимонову и Национал-большевистской партии, думаю, что потому что мне очень нравилась (и до сих пор нравится) группа «Гражданская оборона» и ее бескомпромиссный лидер Егор Летов (хотя мне уже тогда категорически не нравился национализм НБП). Если говорить об идеологии, я был, скорее, таким

бессознательным либералом. Живя с бабушкой и дедушкой, я видел в их консерватизме «наследие совка», понимал свободу как «свободу от» и т. д. Думаю, я был очень типичным в этом отношении.

Поступление на факультет социологии МГУ (в каком году это было?) прошло легко? Вы оказались готовы к этому испытанию? Как бы Вы сегодня описали студентов, которые вместе с Вами начали изучать социологию? Были те, кто только что отложил маузер (как вспоминает себя Грушин), кто пришел за правдой (подобно Леваде), кто уже знал, как улучшить мир? Кто из преподавателей вводил Вас в социологию?

Поступление прошло легко, впрочем, я не воспринимал экзамены как «испытание». А вот если говорить про учебу на факультете, то можно сказать, что я «оказался не готов к этому испытанию». Закончив «Вторую школу», я уже имел представление о том, что такое наука, напряженная интеллектуальная жизнь, выдающиеся преподаватели. Поступая в МГУ в 2005 году, я надеялся на продолжение этого опыта. Однако, то, что я увидел на соцфаке, контрастировало с моими ожиданиями очень сильно. Факультет повергал в шок и уныние одновременно. Уже потом мы услышали, как называют социологический факультет студенты-математики – «ПТУ при МГУ». Большинство преподавателей были полуграмотными, а вернее, безграмотными в современной социологии людьми. Они были совершенно некомпетентны. Подавляющее большинство студентов были незаинтересованными в науке (и познании в целом) инфантильными «мажорами» – я быстро понял, каким способом и зачем дети богатых родителей с минимальными интеллектуальными способностями поступали на этот факультет. Но главное – какие задачи ставит перед собой факультетское руководство. Эти задачи не имели отношения к науке, они, как можно заключить из сказанного мной выше, были более прозаическими.

На этом фоне настоящим интеллектуальным событием стали семинары по философии, который вел доцент философского факультета Станислав Михайлович Гавриленко. В отличие от интеллектуально беспомощных преподавателей соцфака, Гавриленко сражал глубиной мысли и образованностью. Но самое главное – это та незабываемая атмосфера интеллектуального приключения, которая царил на его занятиях. Именно на них – хотя они, напомним, были философскими, а не социологическими – я познакомился с современной социологической теорией – Бурдьё, Фуко (многие считают его, в действительности, социологом), Питером Бергером и Томасом Лукманом и т. д. Еще важнее то, что если преподаватели соцфака подчеркивали специфику социологической дисциплины («социология возникла...», «Огюст Конт провозгласил...», «факультет основали...», «социология – это наука, а не просто опросы общественного мнения!»), но не могли объяснить, что же, собственно, такое эта самая социология, так как не знали этого сами (а знали либо диалектический материализм, либо маркетинг, либо, в лучшем случае, учебники Ядова и Осипова), то Гавриленко, знакомя студентов с разными авторами и текстами, между которыми можно было увидеть переклички, взаимные отсылки, развитие аргумента, показывал, что социальная и гуманитарная науки шире дисциплинарных границ. И, конечно, мы не заучивали бессмысленные слова из плагиат-учебника нашего декана Добренькова, а читали оригинальные тексты. Мы читали Бурдьё, Фуко, Деррида, историков школы Анналов, аналитических философов, повлиявших на современную социальную науку – Райла, Витгенштейна, Остина и многих других. Мы очень внимательно читали Гуссерля. Даже социологическую классику мы по-настоящему прочитали

именно на этих занятиях. Одно дело прочитать главу учебника «про Дюркгейма» или даже прочитать часть «Метода социологии» и законспектировать ее (это был максимум работы с литературой на соцфаке) и совсем другое — прочитать совместную работу Дюркгейма с Марселем Моссом о первобытных классификациях после работы с текстами Аристотеля и Канта, именно такое чтение позволяет понять, что значит, что «социология — это наука о мышлении», а «мышление — это социальный институт». Поэтому если говорить о преподавателях факультета, то среди них именно философ Гавриленко «вводил в социологию». Впрочем, все сказанное не значит, что на факультете вообще не было хороших преподавателей. Единицы были. Но они не запомнились, а чьи-то занятия прошли мимо меня. К сожалению, у меня не преподавал замечательный социолог Владимир Геннадьевич Николаев, который переходил из МГУ в ВШЭ как раз когда я учился. Он читал на соцфаке спецкурс по Чикагской школе в социологии (на этот спецкурс я ходил уже потом в Вышке вольнослушателем), вел занятия по истории социологии.

В какой-то момент я понял, что лучших, самых заинтересованных и способных студентов Гавриленко «вербовал» в неофициальный научный кружок, который существовал на факультете «подпольным» образом. Его возглавлял друг и соавтор Гавриленко — молодой социолог Александр Бикбов. Бикбов был настроен против соцфака МГУ (он сам его закончил), критиковал его в своих статьях про интеллектуальную несостоятельность советской и постсоветской социологии, а нашего декана Добренькова атаковал в политической публицистике. Мы и сами быстро усваивали эту фрондерскую установку (это было логично, мы, заинтересованные в познании, ненавидели соцфак, профанирующий науку, озабоченный стрижкой купонов с золотой молодежи, цинично торгующий дипломами) и начинали видеть себя «подпольем» на факультете. Впрочем, сейчас я понимаю, что, в действительности, до начала протеста в 2007 администрации факультета было наплевать на Бикбова и наш кружок, вряд ли Добреньков или кто-то вокруг него читал статьи Бикбова. Последний без проблем попадал на факультет. Тем не менее, нам нравилось осознавать себя не просто научной группой, а интеллектуальным движением. Хотя встречались мы часто и в других местах, не на факультете.

Наш кружок, возглавляемый Бикбовым, стал для меня продолжением семинаров Гавриленко. Но это был уже более «продвинутый» уровень. Бикбов был практикующим ученым, «исследователем» как он сам себя — и нас — идентифицировал. Мы читали современную научную литературу, делали первые шаги в эмпирических исследованиях, помогали Бикбову организовывать конференции, писали свои первые статьи. Важно заметить, что основной «интенсив» проходил в общении с участниками бикбовского кружка, которые были старше и уже многое знали и умели. Большинство из них были студентами старших курсов, но были и аспиранты, а также молодой преподаватель РГГУ. Совместная подготовка к занятиям нашего кружка, написание текстов в соавторстве, дискуссии о проблемах теории, работа с текстами интервью и другими полевыми материалами — благодаря всему этому я и освоил социологическую дисциплину. Бикбов задавал ориентиры, транслировал метод, учил социологическому мышлению, а его ученики на практике обучали других учеников. Василий Бушнев, Елена Московкина, Наталья Савельева, Ольга Николаева, но главное — Данаил Кондов стали моими учителями и товарищами в одно и то же время.

Это было замечательное время — у нас была своя научная секта. Мы верили, что есть один «главный» социолог — Пьер Бурдьё и его «представитель» в России — Бикбов (он перевел большое количество текстов Бурдьё на русский). Мы также верили, что в России, как говорил или намекал Бикбов, нет настоящей социологии кроме самого Бикбова и некоторых его знакомых. Социологический факультет служил этому прекрасным подтверждением. Все было понятно и просто. Учиться в этом кружке было захватывающе интересно. Между нами складывались товарищеские, а часто и дружеские отношения. У нас были большие планы — мы хотели стать чем-то новым в российской социологии и изменить ее.

Что из задуманного получилось?

Внутренняя динамика и ведущаяся внутри же «скрытая» работа были, на мой взгляд, впечатляющими. Однако до заметных совместных публикаций дело не дошло — группа распалась вскоре после поражения нашего протеста 2007–2008 годов. В каком-то смысле протест OD Group против руководства социологического факультета можно считать главным достижением нашего социологического кружка. Я не знаю, что было бы с последним, если бы он не распался. Зато я точно знаю, что во многом благодаря ему и возникла новая группа, которая затем станет «Лабораторией публичной социологии». Мы унаследовали от кружка Бикбова дух академического поиска и хулиганства, нонконформизм и установку на независимость, однако многое переосмыслили и изменили стратегию. Мы отказались от опоры на единственно правильный метод (каким виделся метод Бурдьё в кружке) и встали на путь теоретического и методологического поиска, при этом оставаясь в рамках критической теории и установки на строгую эмпирическую проверку. Мы, не отказываясь от лидерства, постарались сделать его не единоличным, а множественным — у нас многие являются лидерами, хотя и не все. Мы стали более открытыми к коллективным проектам с коллегами из разных социологических «лагерей», стран и поколений. Наконец, мы изначально поставили перед собой задачу институционализировать группу, пусть и на своих условиях, которые позволили бы сохранить независимость.

О протесте мы поговорим, но сначала хотелось бы узнать, в каком направлении ваша команда предполагала изменить российскую социологию? С тех пор прошло десять лет, как Вам кажется, в российской социологии есть «подвижки» в ту сторону, куда Вы предполагали шагать? Насколько в этом направлении продвинулся сам Александр Бикбов?

Мы хотели сделать социологию, с одной стороны, более профессиональной, компетентной, интеллектуально захватывающей, а с другой, сделать ее дисциплиной, опирающейся не на административно-клановые принципы и аппараты, а на сообщество равных и интересующихся идеями друг друга людей и институций. В этом отношении российская социология, действительно, сильно изменилась. Сегодня казавшиеся 10 лет назад маргинальными способы делать социологию — те самые, более профессиональные, «международного уровня» и т. д. — стали мейнстримом, благодаря Европейскому университету, Шанинке, ЦНСИ, журналу «Лабораториум», Вышке, отдельным исследователям и группам, международным проектам. Вместе с тем, российская социология, даже в лучших своих версиях, остается в чем-то провинциальной, а многие «головные» подразделения вроде соцфака МГУ или ИСПИ РАН — это все те же не имеющие никакого отношения к науке конторы, позорящие российскую социологию. Так или иначе, сегодня мы чувствуем, что уже недостаточно

просто читать западные работы, проводить оригинальные эмпирические исследования, публиковаться в международных журналах, нужно что-то еще. Отчасти поэтому мы и подали на конкурс, а потом приняли предложение Школы перспективных исследований Тюменского университета присоединиться к этому инновационному институту. Собрав вместе российских и зарубежных социальных ученых и философов, Школа хочет инициировать прорывные междисциплинарные исследовательские проекты, которые вывели бы Россию на международную научную орбиту не в качестве поставщика полевого «сырья», а в качестве полноправного участника производства знания.

Кто инициировал рождение Школы перспективных исследований? Как оказалось, что Школа родилась в Тюмени? Я неплохо знаю тюменских социологов, знаю, как там все завязывалось. Еще два года назад в книге «Прошлое, настоящее и будущее тюменской социологии. Интервью с социологами разных поколений» я писал о «тюменцентризме» Тюменской социологии, в октябре я провел два повторных интервью с тюменскими социологами вашего поколения: Татьяной Гаврилюк и Антоном Абрамовским, и они согласились с моими наблюдениями. Правда, Татьяна, активно стремится разорвать эту тенденцию...

И, Олег, пожалуйста, расскажите о самой Школе...

В первую очередь, надо сказать, что идея создания в регионах России «центров совершенства» в области социальных и гуманитарных наук появилась давно. Европейский университет открывал «партнерские центры» в Томском, Пермском и некоторых других региональных университетах. В этих центрах работали — занимались наукой и преподавали — выпускники ЕУ. Насколько я понимаю, задача создания этих центров была двойственной: с одной стороны, просветительской, нацеленной на «инсталляцию» науки международного уровня «на места»; с другой стороны, социальной — создать в России хорошие условия и интересную работу для выпускников ЕУ, талантливых молодых ученых. Некоторые из этих центров оказались более успешными и до сих пор существуют, некоторые менее успешными. Наша Лаборатория, в которой работают несколько выпускников ЕУ, по предложению последнего в рамках этого проекта пробовала создать такой центр в УРФУ, но этот проект не удался.

На этом фоне создание Школы перспективных исследований — с одной стороны, закономерный «следующий шаг», а с другой, все же уникальный проект. Этот проект был инициирован «сверху», в нем оказались заинтересованы ректор ТюмГУ и, отчасти, начальство Тюменской области, стремящиеся сделать Тюмень не только благополучной, но и интеллектуально респектабельной, а его идейным вдохновителем и директором является Андрей Щербенок, сделавший научную карьеру в России и США, а затем ставший профессором и образовательным менеджером в Бизнес-школе Сколково. Другими словами, в отличие от нашей небольшой Лаборатории, появившейся из духа и практики самоорганизации, равенства и социальной критики, это проект «технократический», в котором мы участвуем именно как ученые, разделяющие определенные базовые ценности и цели Школы и имеющие необходимую автономию для реализации наших научных замыслов.

Тематически и идейно Школа не имеет отношения ни к Тюмени, ни даже к России — мы занимаемся темами, востребованными в мировой науке: например, капитализмом и насилием в современном мире, свободой воли как проблемой естественнонаучного и гуманитарного знания, взаимоотношением между людьми и мате-

риальными объектами в контексте развития новых технологий. Поэтому, конечно, ни о каком «тюменцентризме» речи не идет. Впрочем, наша Школа и не является сугубо социологической — здесь собрались философы, физики, историки, социологи, экономисты, культурологи, психологи, антропологи. Несмотря на ориентацию на мировые тренды и разрыв с локальной тематикой, я вижу в этом проекте попытку сделать Россию не просто поставщиком полевого «сырья» для западных, «старших» коллег, но полноценным игроком на мировом рынке производства знания. И это мне нравится.

Научный коллектив Школы формировался следующим образом: организаторы — руководство и наблюдательный совет — объявили в 2017 году отбор заявок на позиции сотрудников нового подразделения, которое будет работать по мировым, а точнее, американским стандартам, а затем в результате нескольких этапов конкурса из 300 претендентов из разных стран мира было отобрано чуть больше 10 человек. Половина Школы — это российские исследователи, как правило, с западными степенями, половина — американцы и британцы, недавно получившие степени в престижных университетах — Гарварде, Дюке, Лондонском Королевском колледже и т. д.

Вернемся, Олег, в Ваши студенческие годы... Вы в нашей переписке и в интервью упоминаете о Протесте. Это был Протест лишь студентов-социологов или к вам присоединились и студенты других факультетов. Вы выше сказали о поражении Протеста, чем это все закончилось лично для Вас?

Этот протест начали студенты социологического факультета МГУ, которые придерживались либеральных демократических взглядов и которые считали недопустимыми ксенофобские, ультранационалистические высказывания тогдашнего декана Добренькова и инициированные им кампании за восстановление смертной казни. Наш же научный кружок мгновенно присоединился к протесту и превратил его в долгосрочную кампанию за повышение качества образования, за меритократический — а не, скажем так, экономически мотивированный — принцип отбора студентов, за создание благоприятных условий для научного труда и производства научного знания (в общей сложности кампания длилась более полутора лет, с 2007 по 2008 год). Несмотря на внимание к нам представителей мировой науки, международной и российской прессы, политических движений и партий, студенты как социологического, так и других факультетов в массе своей нас проигнорировали. После нашего поражения я и мой коллега Данаил Кондов писали о причинах проигрыша студенческой инициативы: «В МГУ, как и во многих других вузах, существуют «сильные» и «слабые» факультеты. Первые зарабатывают для университета престиж, славное имя в международном и российском научном сообществе, вторые — деньги. Социологический факультет является одним из самых «слабых» факультетов, а социология занимает одну из низших ступеней в иерархии научных дисциплин. Социологическая наука в России, но еще больше — социологическое образование — во многом фиктивны. Неудивительно, что ощущение превосходства над общественными дисциплинами прочно вписано в образовательную траекторию студента-физика, математика или химика, который с первых курсов знает о том, что «социология» — не наука или «лженаука», и убеждается в этом на практике, поскольку вынужден прослушать обязательный университетский курс, читаемый, как правило, социологами из МГУ. Поддержать интеллектуальный протест на социологическом факультете для большинства студентов немыслимо, так как никакой интеллектуальной жизни на соцфаке по

определению нет и быть не может. Поддержка инициативы по политическим соображениям, из солидарности, также маловероятна: протест против низкого качества образования предполагает выступление против руководства университета. Однако именно это руководство, за счет безразличия и исключительно меркантильного отношения к таким факультетам, как социологический, поддерживает систему неравенства и разобщенности, обеспечивая математикам или биологам возможность заниматься наукой и занимать привилегированную позицию в университете. Разумеется, на коллег по общественным дисциплинам, в том числе, на большинство сокурсников, мы также рассчитывать не могли: такие факультеты, как соцфак набирают студентов, незаинтересованных в образовании. Социологический факультет представляет собой своеобразную фабрику по продаже плохих (но освященных престижем МГУ) учебников и таких же дипломов, где студенты, вынужденные в ожидании университетских «корочек» читать эти учебники, являются одним из источников прибыли». Я думаю мы во многом правильно объясняли тогда то, почему к нам не присоединились другие студенты.

А вот российское социологическое сообщество могло бы включиться в борьбу и настоять на реорганизации социологического факультета. Но, несмотря на довольно широкую поддержку нашего протеста разными российскими социологами, одни решили не делать слишком резких движений, другие предпочли отмолчаться. В итоге мы не смогли нарушить status quo.

Что же касается меня лично, а также Светланы Ерпылевой и Натальи Савельевой, которые стояли вместе со мной у истоков нашей независимой исследовательской группы, протест помог нам сориентироваться в российской социальной науке и сделать карьеру. Благодаря нашей шумной медийной кампании, мы узнали об альтернативных факультетах и институтах: Европейском университете в Петербурге, соцфаке Вышки, Шанинке, но главное — о Петербургском Центре независимых социологических исследований, с тех пор самом нашем близком, дружественном институте. Мы перевелись в хорошие места, получили хорошее образование и путевки в международную научную среду. Встретив близких по духу коллег — Максима Алюкова, Илью Матвеева, Диляру Валееву, Андрея Невского, Ксению Ермошину и других, мы создали свой научный коллектив и проводим серьезные исследования. В этом отношении спасибо социологическому факультету и В. И. Добренькову — хоть что-то они сделали для российской социологии.

Олег, что-то я не понял, какой университет Вы окончили? Под чьим руководством и по какой теме делали Ваше дипломное исследование? Не знаю, попадет ли в Ваш ответ Центр независимых социологических исследований, все же это не учебная структура, но, пожалуйста, скажите, что Вы о нем узнали в период Протеста и что Вас в нем привлекает.

Благодаря хлопотам В. А. Ядова, я смог перевестись в ГАУГН при Институте социологии РАН в 2008 году. Там я написал диплом, посвященный протестам в СССР в 1950-х, моим центральным кейсом был протест студентов физического факультета МГУ в 1953 году и последующее создание фрондерского студенческого движения на базе официального комсомола. Этот кейс я анализировал в контексте социальной истории советской физики, динамики университетских реформ и реформ академических институтов, ну и советской истории в целом. Научным руководителем был внешний по отношению к ГАУГН преподаватель — тот самый Станислав

Гавриленко из МГУ. В не меньшей степени мне помогали мои коллеги и друзья по тогда уже распавшемуся бикбовскому кружку – Данаил Кондов и Наталья Савельева. В сокращенном виде мой диплом опубликован в книге, посвященной советской истории, которая вышла в издательстве Европейского университета под редакцией Б. М. Фирсова. А уже после того как окончил ГАУГН, я поступил в Европейский университет в Санкт-Петербурге. Забавно, что поступал я на исторический факультет (так увлек меня мой исследовательский сюжет!), но перепутал даты (уже не помню какие, кажется, подачи документов) и тогда поступил на ПНиС – факультет политических наук и социологии.

Что же касается ЦНСИ – они сразу же поддержали наш протест. Помогали нам организовать встречи с разными социологами, российскими и зарубежными, в ходе нашей протестной кампании. Но главное – мы увидели в них то, к чему стремились сами: самоорганизованный, независимый, выступающий публично по острым социально-политическим вопросам, но при этом академически продвинутый научный центр. Мы сотрудничали со многими университетами, проектами, лабораториями, но ЦНСИ остается самым близким нам по духу научным институтом, в каком-то смысле мы считаем себя частью того академического движения, во главе которого всегда находился ЦНСИ.

Олег, это о каких же годах Вы говорите? Когда окончили ГАУГН и когда учились в Европейском университете? Кто там был Вашим ведущим? Итак, похоже, на момент завершения ЕУ, Вы стали специалистом в области социально-политических наук с опытом изучения протестных движений. Можно так сказать? Что последовало за этим?

Я окончил ГАУГН в 2010 году, затем сразу же поступил в ЕУ, который я окончил в 2013 году. Моими руководителями были в разное время Б. М. Фирсов, М. Соколов, А. Магун. С 2012 года я уже учился в European University Institute, аспирантуру которого окончил в 2016 году. Моим руководителем там была Донателла делла Порта, одна из ведущих в мире ученых в области social movements studies. Впрочем, повторю, что основной своей деятельностью я всегда считал PS Lab. Наша Лаборатория (тогда под другим названием) с 2012 года начала изучать протестные движения в разных странах, этим мы занимаемся до сих пор.

Олег, грех, думаю, мне не спросить, а Вам не сказать, что такое European University Institute и кто такая Донателла делла Порта. По какой тематике Вы пишете докторское исследование и какие выводы там вырисовываются?

Это крупнейший в Европе исследовательский центр (это не университет) с собственной аспирантурой. Он был открыт в середине 1970-х как общеевропейский научный институт, призванный переломить тенденцию, в рамках которой США начинали опережать Европу в социальных науках. Он находится во Флоренции, однако это не итальянский центр, а общеевропейский, работают, преподают и учатся в нем люди из всех стран мира. Наш факультет – социологии и политических наук – занимал первые позиции в ведущих международных рейтингах научных институтов и факультетов, специализирующихся по политическим наукам (выступая наравне с Гарвардом, Колумбийским университетом и т. д.). Донателла делла Порта – крупнейший современный ученый, ее первая известная книга была посвящена сравнительному анализу немецкого и итальянского послевоенного левого радикального подполья (она вышла в 1996 году в издательстве Cambridge University Press), на мой взгляд, это до сих пор ее

лучшая книга. Донателла в каком-то смысле соединяет американский и европейский подходы к анализу социальных движений, она училась в Америке у Сидни Тэрроу (наравне со своими соавторами Чарльзом Тилли и Дугом МакАдамом, он давно стал современным классиком политической социологии), а во Франции у Алена Турэна; а также — социологию и политические науки. Вместе с Марио Диани она — автор самого известного в мире учебника по социальным движениям (*Social Movements: An Introduction*. Oxford: Blackwell, 1999). Она занимается разными темами: политическим насилием, коррупцией, тем, как воспринимают протесты полицейские.

Я написал диссертацию, посвященную Евромайдану и российскому Движению за честные выборы. В моем тексте я показываю, как в социумах, в которых слабы социальные движения и институты «гражданского общества» (беру в кавычки, так как этот термин либеральной политической теории не вполне отражает постсоветские реалии) крупные политические события, например восстания, в каком-то смысле заменяют собой эти институты, работая на социальные перемены. В то же время, формула «событие и воля людей вместо структурных факторов перемен» не работает в полной мере, и изменения возможны лишь на микроуровне. Эти изменения я и показываю в случае России. Я изучаю локальный активизм, который появился, если угодно, из духа «событийного» протеста 2011–2012 годов и, сравнивая его с городским активизмом, который существовал в 2000-е, то есть до Болотного протеста, показываю, что движение «За честные выборы» создало новую активистскую культуру. Другими словами, событие способствует созданию новых структур (и смысловых, и организационных, и культурных) на микроуровне. Этот мой проект — часть общего исследования PS Lab. В чем основной вывод, если говорить более конкретно? И доболотные, распространенные в 2000-х, и рожденные движением «За честные выборы» локальные активистские группы (то есть группы, созданные митингующими, которые устали от митингов и решили заниматься чем-то малым и конкретным), казалось бы, занимаются одним и тем же: защищают парки от вырубки и дома от сноса, борются за экологию, занимаются благоустройством. Однако смысл и стратегии совершенно разные! Например, более «традиционные» локальные группы появляются в ответ на конкретные проблемы — вырубают парк, сносят дом, загрязняют воздух, и люди мобилизуются против вторжения в их близкое пространство. А вот возникшие на волне протестов 2011–2012 годов группы появляются, можно сказать, наоборот: сначала протестующие, которые познакомились с другими такими же протестующими на выборных участках, работая наблюдателями, решают основать активистскую группу в своем районе, а потом уже ищут, чем заняться. Почему так происходит? Потому что одни группы мотивированы внезапной, независимой от них проблемой, а другие — желанием продолжить пережитый на митингах опыт коллективного действия, но изменить его масштаб, сделав его более конкретным. Но понять это изменение генезиса можно, лишь проведя исследование. Еще один, более важный, вывод: традиционные активистские группы следуют определенной аполитичной этике «реальных дел» — для них важно держаться подальше от политики, как «официальной», так и «оппозиционной» и делать «дела», решать «конкретные проблемы», оперировать «фактами» в противовес «идеологиям» и «агитации». Пост-болотные же группы соединяют политику и конкретику воедино: для них «реальные дела» уже не противопоставлены «политике», а становятся лучшим способом борьбы с путинским режимом «на местах»; опираясь на «факты» они уже не противопоставляют их «агитации», а встраивают в агитацию — например, фотографируют «конкретные проблемы» рай-

она, чтобы потом положить фотографии на стол и сказать: смотрите, Единая Россия ничего не делает для района, голосуйте за наших активистов на муниципальных выборах! Наконец, если для более «традиционного» городского активизма в России сам район представлял собой набор любимых мест (которые активисты защищали именно потому что были к ним привязаны) и конкретных проблем, как бы поломок, то теперь парадигма восприятия поменялась, и локальное пространство — это, в первую очередь, не места, а граждане, которых нужно «разбудить», мобилизовать. Почему происходит такой синтез политики и конкретики? Потому что вдохновение, политический смысл и опыт, пережитый во время события митингов, наложился на практику «реальных» дел и появился новый «гибрид». Образ «неравнодушных граждан», вышедших на Болотную, «наложился» или «спроецировался» на территорию района и привел к появлению новой формулы: район — это «гражданское общество в миниатюре». Что очень важно, такое соединение политики и конкретики влияет фундаментальным образом на долгосрочность коллективного действия. Слишком много конкретики и мало политики — группы распадаются, как только решают свою локальную проблему или, наоборот, понимают, что проблему им не решить (так часто происходило с локальными активистскими группами в 2000-х). Слишком много «политики» и мало конкретики — протест приводит к ощущению самоповтора и выдыхается (так произошло с митингами 2011–2012 годов). А группы, которые изучаем мы, живут уже больше пяти лет. Причем эти выводы — результат систематического многолетнего анализа десятков локальных активистских групп, действующих в разных городах и районах. Эти группы чаще всего никак не связаны между собой, однако указанные мной тенденции являются доминирующими во всех группах. Надо сказать, что этот проект — часть нашей совместной работы по обсуждению и сравнению локального активизма в разных странах, которую мы ведем с нашими коллегами-единомышленниками: Лораном Тевено из Франции, Ниной Элиазоф из США, Карин Клеман, Борисом Гладаревым и Еленой Тыкановой из России и другими коллегами из Швеции, Финляндии, Германии. В случае же с Украиной я наоборот показываю, как событие восстания, нацеленного на фундаментальные трансформации, привело, во-многом, к воспроизводству тех самых структурных логик, которые украинцы хотели сломить (хотя это не значит, что в Украине ничего не изменилось). Хотя я работаю с качественными методами, я стараюсь учитывать и количественные исследования. Говоря о теории, я соединяю социологию события (*eventful approach in social sciences*) и прагматическую социологию. Это исследование изложено не только в диссертации, результаты этого проекта я уже опубликовал по-английски, по-русски, по-шведски и по-украински (сейчас готовится французская публикация), однако основные публикации — как мои, так и коллективные с коллегами по PS Lab — впереди.

Грандиозный проект, успешного Вам его завершения. Особенно мне нравится то, что исследование — международное, совместное, динамическое.

Как я говорил в начале, я считаю, если угодно, делом жизни PS Lab — нашу небольшую исследовательскую группу. Хотелось бы ее развивать и дальше вместе с коллегами и соратниками. Очень надеюсь, получится сделать что-то серьезное на базе Школы перспективных исследований. Если же говорить о более содержательном аспекте, то мне хотелось бы продолжить работать над темами, которые кажутся мне интересными и многообещающими в том смысле, что отражают мировую динамику,

но при этом содержат постсоветскую специфику, которая — за счет систематического сопоставления — может лучше прояснить эту самую мировую динамику. Отказ низовых движений от политической репрезентации; пост-идеологическая «эпистемология» политического действия; своеобразный фатализм, вызванный прекаритетом и, в целом, экономическими трудностями, связанными с кризисом капитализма. Еще один важный момент — наше желание конвертировать исследовательские результаты в публичную дискуссию и политическую практику.

Олег, получается, что Ваш интерес к анализу социально-политической тематики в определенной степени стал продолжением Вашей студенческой протестной активности. Одно время Вы симпатизировали Эдуарду Лимонову и Егору Летову. Ваша докторская диссертация фокусирована на генезисе и развитии «Болотного протеста». А сейчас, когда в России заявляют о себе новые молодые политики; я имею в виду успех Ильи Яшина (1983 г.) и его соратников на выборах в Москве, «замах на президентство» Ксении Собчак (1981 г.) и другие примеры, Вы не ощущаете желаний поучаствовать в политике? Если «да», то не помешает ли это Вашим занятиям наукой?

Я симпатизировал Лимонову, когда был подростком. Сейчас я категорически не согласен с его взглядами, мне чужды вождизм и имперский национализм. Тем не менее, продолжаю его уважать как человека, показавшего пример равнодушия и политического поступка. Мне, конечно, — особенно глядя на Яшина и Собчак — очень хочется участвовать в политике. Более того, я состою в политической организации левого толка — Российском социалистическом движении. Активно взаимодействую и поддерживаю профсоюзное движение, рупором которого сегодня является Конфедерация Труда России. Вместе с тем, я участвую в активизме и политике меньше, чем хотелось бы. Во-первых, нет времени. Во-вторых, мне хотелось бы участвовать в политике не в одиночку, а в составе исследовательской группы. А нужны ли социологические результаты сегодня в политике? До недавнего момента казалось, что нет (говоря о желательном для меня сближении социологии и общественно-политической дискуссии и практики, я должен отмежеваться от бесконечных призывов наших академиков Горшкова и Осипова включить социологию в управленческую практику — думаю, многим понятно, что за этими призывами стоят, прежде всего, амбиции вскарабкаться повыше по административной лестнице). Но только что произошло важное изменение: благодаря Навальному, который в ходе своей эволюции как политика сначала расширил повестку борьбы с коррупцией и честных выборов до общеполитических проблем (экономическое неравенство и т. д.), а затем опубликовал программу, к политической программе как жанру приковано сегодня общественное внимание. Думаю, что именно в принципиальных, содержательных дискуссиях о будущем России, причем не о будущем вообще, а о конкретных реформах, о типе экономике, об институтах и практиках демократии и т. д. левые могут обрести свой полновесный голос. Потому что пусть левые пока и не слишком сильны в уличной и парламентской политике, среди нас много молодых образованных интеллектуалов, которые исследуют политику и экономику. Мне бы хотелось, чтобы молодые левые сегодня, воспользовавшись этим предвыборным интересом к сути политики — к политическим программам — начали активно участвовать в общественной дискуссии, а также — писать свою программу, программу будущей левой или социал-демократической партии.